

ПРИТЯЖЕНИЕ

A romantic couple is shown in a close embrace, sitting on a red sofa. The woman, with dark hair, is wearing a white off-the-shoulder top and has her head resting on the man's shoulder. The man, with short dark hair and a beard, is wearing a grey t-shirt and blue jeans, looking down at his hands. They are in a room with a large wooden door in the background, through which bright light is streaming. To the right, there is a dark wooden upright piano. The overall mood is intimate and romantic.

ЮПИЯ РЕЗНИК

Юлия Резник
Притяжение
Серия «Притяжение», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67316552

Притяжение:

Аннотация

Притяжение. Когда-то оно уже сыграло с ней злую шутку. Заботясь о чужом ребёнке, пока его мать-кукушка прожигала жизнь, Соня отдала свою любовь не только крохе, но и её отцу. Непонятно, сколько бы длилось это наваждение, если бы однажды обстоятельства не вынудили её уйти. Прошли годы, раны почти зарубцевались, однако Соню ждал новый сюрприз: встреча с тем единственным, притяжению которого она так и не научилась сопротивляться.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Юлия Резник

Притяжение

Глава 1

– Как вы можете?! В грязной обуви – в стерильную палату... Вы хотите убить собственного ребенка?!

Амир опустил уставший потухший взгляд на свои начищенные до зеркального блеска ботинки. Он силился понять, что ему пытается объяснить эта во всю глотку орущая докторица, и не мог. Просто пятился под ее напором и все сильнее злился.

– Амир Шамильевич... – на плечо изнеможенного до отупения мужчины легла жесткая ладонь начальника его же службы безопасности. – Сюда нельзя было. Так... – бесстрастный взгляд Глеба скользнул сверху вниз и вернулся обратно. Ничего не выражая.

Амир моргнул. С силой растер ладонями лицо, сомкнул пальцы в замок на шее и чуть тряхнул головой. Как нельзя? Кому нельзя? Ему, что ли?

– Как себя чувствует моя дочь? – устало спросил он, усиленным волею заставляя себя сосредоточиться на главном.

– Все шло хорошо! А теперь я даже не знаю... Додуматься же... в стерильную палату... Да у нее ведь иммунитет убит

подчистую! О чем вы только думали?

Хороший вопрос! Превозмогая нечеловеческую усталость, почти не в силах контролировать закипающую внутри злость, Амир крутанулся на пятках и размашистыми шагами двинулся прочь по коридору. Огни гирлянд, украшающих стены и окна больницы в преддверие праздников, больно били по не знающим отдыха воспаленным глазам. Амир зажмурился, надавил двумя пальцами на переносицу, зацепил рукой тележку с каким-то барахлом, не извинившись, пронесся по холлу, мимо нарядной регистратуры, распахнул дверь и с жадностью вдохнул морозный декабрьский воздух.

– Тебе бы отдохнуть... – заметил Глеб, выходя следом. Игнорируя слова друга, Амир протянул руку:

– Дай ключи.

– Не дури, Амир Шамильевич. Ты сколько не спал?

– Столько же, сколько и ты! – Амир резко обернулся, полоснув жестким взглядом телохранителя.

– Именно поэтому я и не рвусь за руль, – бесстрастно парировал тот.

Глеб был прав. Вести машину в таком состоянии – самоубийство. И как бы ему ни хотелось сейчас сбросить напряжение, утопив педаль газа в пол, эта идея была далеко не самой удачной. Амир грязно выругался, но уступил.

Потом... Все потом... Когда-нибудь.

Скользнув в теплый салон автомобиля, возникшего перед ним как по команде, Амир откинул голову на подголовник и,

насколько это было возможно, вытянул длинные ноги. Рядом уселся Глеб. Никому в этом мире Амир не доверял так, как этому большому во всех смыслах мужчине. Они повстречались давно. На войне, которая никому не была нужна, и о которой Глеб Громов знал, пожалуй, побольше многих. Он возглавлял какой-то засекреченный до окончания дней отряд специального назначения, щедро брошенный правительством на спасение попавшего в засаду по дурости командования батальона Амира. В той мясорубке мало кто выжил. Ущелье простреливалось со всех сторон, и если бы не Глеб и его люди, они бы все там погибли.

– Домой... – Глеб отдал короткий приказ в невидимое глазу переговорное устройство, и их кортеж тут же тронулся с места.

Домой... – повторил про себя Амир. Домой... А там что? Выспаться. Отдохнуть. И ни о чем не думать. Отключиться часов на двенадцать. А с утра навестить дочку... Он так к ней спешил сегодня, так рвался, что напрочь забыл обо всем. И о проклятой стерильности тоже! По позвоночнику прошел холодок. Его беспечность могла стоить Карине жизни.

– Меня с порога развернули. Думаешь, успел нанести бацилл?

– Вряд ли. Там же стерилизаторы повсюду.

– Хоть бы ты меня надоумил...

– Да уж...

Дальше ехали молча. Амир бездумно смотрел в окно и

вспоминал... То, что давно не позволял себе вспомнить. В стремительно убегаящей жизни, в делах и заботах, в бизнесе и парламентских сессиях, в бесконечных разъездах... То, что научился мастерски выбрасывать из головы, освобождая сознание для продуктивной работы по преумножению собственного капитала. Соня...

Что за черт? Почему сейчас? Может, повлияла последняя сделка, над которой он и его команда в авральном режиме и на пределе сил трудилась последних несколько месяцев? А может, двенадцать часов, проведенные в аэропорту Нью-Йорка в ожидании вылета? Все одно к одному.

Устал... Как же нечеловечески он устал...

Нарушая уютную тишину, установившуюся в салоне, дробно тренькнул телефон. Альбина. Вот же, черт. Только этой ему не хватало.

– Да! – буркнул в трубку, не то, чтобы приветливо.

– Амир! Ну, наконец-то я до тебя дозвонилась! Нельзя же пропадать так надолго! – защелбетала его любовница.

– Я занят. Ты что-то хотела?

На том конце провода на секунду случилась заминка – девица судорожно соображала, как правильно себя повести. Не обидеться ли на его грубость? Амир мог поклясться, что слышал, как кипел ее мозг, просчитывая возможные для себя выгоды и не менее вероятные потери от наглядной демонстрации собственного характера. Здравомыслие возобладало.

– Да нет, конечно! Я просто скучаю... Ты же знаешь.

Он знал. Как знал и то, чего на самом деле стоили ее слова. На его памяти такие девочки всегда имели цену. Как правило, не слишком высокую. За колечко с хорошим камнем они обычно прощали все, что угодно. Не то, чтобы он собирался ей что-то дарить. Отнюдь.

– Перезвоню, как справлюсь с делами, – отрезал Амир и отключился, тут же забыв о девке. Хорошо, если вспомнит позже. А нет – значит, нет. Женщины в его жизни менялись с завидной скоростью. Кто его знает, почему? Да просто не цепляли, не трогали ничего в душе. Были неинтересны. Он даже имен их не помнил. «Лена, Катя, Вика... Верони-ка... Чика-чика-чика...» – вспомнил идиотскую песню, недавно услышанную по радио. Хмыкнул. Поймал напряженный взгляд Глеба и тут же весь подобрался:

– Что? – спросил, осторожно осматриваясь по сторонам. Глеб покачал головой.

– Что там? – спросил в гарнитуру, видимо, у ехавших впереди ребят. Внимательно выслушал, покачал головой. – Ладно. Продолжаем движение.

Амир чуть расслабился, полностью полагаясь на интуицию Глеба, которому за прошедшие годы привык безоговорочно доверять. Скосил взгляд и снова ощутимо напрягся:

– Что-то не так? – уточнил для пущей надежности.

– Да хрен его знает. Что-то мне беспокойно, – пробормотал Глеб, хмуря широкие брови.

– Ну, и что в связи с этим предпримем?

– А бес его знает. Не пойму... Все просчитал, просмотрел... Маршрут отработал...

– Несчастный случай? – и себе нахмурился Амир. И только он это произнес, как впереди показалась фура.

– Игорь, сворачивай, на хрен, – резко скомандовал Глеб. Впрочем, вымуштрованный водитель и сам понял, что надо делать. Какие-то секунды, и грузовик на полной скорости пронесся мимо их кортежа, выехал на встречу, смял движущийся по ней микроавтобус, развернулся от удара и, зацепив еще несколько не успевших затормозить машин, остановился, юзом прокатился по обледеневшей дороге и встал.

– Твою мать, – пробормотал Амир, выскакивая из машины одновременно с водителем и охраной.

– Вернись в салон! – скомандовал Глеб.

– Там помощь нужна.

– Без тебя разберемся, – стоял на своем Глеб, тыча крупными пальцами в экран телефона. – Игорь Дмитрич... Глеб Громов. У нас тут ЧП... Спасателей бы...

Глеб на бегу отчитался о случившемся МЧСникам и первым подскочил к протараненному автобусу. Амир сунулся следом.

– Вернись в машину! Здесь в любой момент может рвануть... – зарычал Громов, стягивая с себя куртку.

– Я помогу, – стоял на своем Амир.

– Прочь! От машины, – раздельно, по слогам, как для ум-

ственно отсталого, повторил Глеб, с трудом открывая заклинившую дверь превратившегося в консервную банку форда.

– Юр, притащите ломик и гляньте пострадавших в легковушках. Кто-нибудь, проверьте водилу фуры! Паша, Михалыч... ваша помощь мне нужна здесь, – орал Глеб, перекрывая человеческий стон, вой сигнализаций и скрежет металла. – Черт, тут паленой проводкой воняет... – прорычал, отшвырнул телефон куда-то в сторону, пробрался внутрь. Амир последовал за другом, сбивая локтем остатки оконного стекла. Что-то страшное с ним происходило. Грудь сдавил непонятный, ни на чем не основанный страх. Амир осмотрелся. От удара несколько кресел просто вырвало, и теперь они валялись на проходе, перекрывая путь.

– Под креслами в проходе люди! – проорал он и, что есть силы, потянул сидение на себя.

– Пострадавших доставайте осторожно! Старайтесь зафиксировать головы! Они должны оставаться максимально неподвижными! – крикнул в ответ Глеб.

– Так точно! Юр, помоги...

Осторожно, вдвоем с охранником, они вытащили из автобуса первого пострадавшего. Передали на руки двум другим мужикам и, не отдышавшись даже, вернулись за следующим.

– Да что б его, – выругался Юрка, не сумев нащупать у бедолаги пульс.

– Юра, здесь еще четверо! И ребенок! – прокричал Глеб, пробравшись-таки в начало салона. – Давай через лобовое!

Будет быстрее! Черт, здесь все искрит... Рядовой Каримов, если ты сейчас же не убереешь отсюда свою депутатскую задницу, я тебе шею сверну! – пообещал Глеб начальнику, ни на секунду не отвлекаясь от дела. Впрочем, в данной конкретной чрезвычайной ситуации главным, бесспорно, был он сам. С этим даже никто и не спорил.

– Да уберу, уберу... Сейчас, только помогу немного...

Откуда брались силы действовать и спорить, Амир не знал. Он лишь в который раз убедился, что в критической ситуации его организм начинал работать на пределе своих возможностей. До приезда спасателей они умудрились вынести из автобуса всех живых.

– Домой приедем – нажрись, – пообещал Глеб, падая на задницу прямо в сугроб, когда те все же явились. Амир приземлился рядом. Набрал в ладонь пригоршню снега и растер по лицу. То ли смывая, то ли еще больше размазывая по нему копоть. Несмотря на то, что они сделали все, что могли, его не покидала гадкая противная дрожь. Как будто он в случившейся суматохе упустил что-то важное. За грудиной пекло, и тревога не отпускала.

– Ну, ребятки! Ну, молодцы! Герои! – хвалил их прибывший на место происшествия МЧСник. – Амир Шамильевич, разрешите пожать вашу руку...

Амир поморщился, но руку все же подал.

– Мы, пожалуй, поедem...

– Не смеем задерживать! Еще раз огромное вам челове-

ческое спасибо!

Амир сухо кивнул и, едва шевеля ногами, двинулся прочь.

– Проследи, чтобы наши геройства не стали достоянием общественности, а то расстареется сейчас, – бросил на ходу следующему за ним Глебу. Тот кивнул, как никто другой понимая, что есть вещи, о которых не стоит говорить вслух. На которых нельзя делать рейтинги и спекулировать. – Найди список пострадавших и узнай, куда их отвезут... Надо бы помочь, – продолжал инструктаж, а потом оборвался на полуслове. Замер.

– Соня... – просипел он и медленно обернулся. Застыл, до рези в глазах вглядываясь в сгущающиеся плотные сумерки. Скорее почувствовав ее нутром, чем увидев, наконец понимая, чем была вызвана тревога в душе. Шагнул навстречу к неясной тени, привалившейся к размытому контуру дерева чуть в стороне. И... замер. Сжал кулаки, стиснул зубы. До хруста, до боли в челюсти. Запреща... просто запрещая себе двигаться дальше.

Какого черта? Какого черта его так подорвало?! Они растались... сколько? Десять лет назад? Так с чего вдруг? Его... жесткого, непростого, битого, давным-давно разуверившегося в женщинах и всякой сентиментальной чуши мужика в один момент проняло! До трясучки! Шандарахнуло со всей силы воспоминаниями из далекого, давно забытого прошлого, в котором была она... И была радость... Снесло все блоки, которые он по кирпичику выстраивал.

– Девушка... Вы можете встать?

– Не думаю... Похоже, у меня сломана нога. И рука... – донесся до него чуть хриплый, звенящий от боли и слез, знакомый до дрожи, голос.

– Не переживайте, все уже позади. Михалыч, сюда тоже носилки! – крикнул куда-то в сторону подоспевший мужичок и снова вернулся к осмотру Сони, – Это ничего! Это заживет... Ну же... Красавица, давай, осторожненько!

Амир моргнул, стряхивая с себя наваждение. Медленно обернулся к Глебу:

– Пойдем, – приказал сипло, не оставляя себе возможности передумать, и первый побрел к брошенному на обочине кортежу.

Глава 2

В тот день, день, когда все перевернулось, Соня впервые за много лет выпалась. Она и представить не могла, какое это счастье – проснуться просто так, по желанию, а не потому, что срочно нужно куда-то бежать и что-то делать. Перевернулась на бок, потянулась, как кошка, и снова откинулась на подушку, даже как-то не веря, что ей некуда, в общем, спешить. Повалялась, сибаритствуя еще с полчаса, и неторопливо встала, накинув теплый плюшевый халат, сунула ноги в тапки со смешными заячьими мордочками на носках – подарок студентов на прошлый Новый год – и зажмурившись от яркого-яркого солнца, выглянула в окошко. Ну, надо же! Белый день! Сколько уже? Десять? Одиннадцать?!

Полдевятого! Соне даже как-то обидно стало, что она так рано вскочила. Обещала себе, что проспит целый день, когда все закончится. А на деле ее хватило лишь на восемнадцать часов! Ничего... до отъезда еще есть время. Целых две недели безделья! Да она столько за всю жизнь не отдыхала! Вот и отоспится... Зевая на ходу, Соня достала турку, всыпала отличный колумбийский кофе, купленный в одной из недавних поездок, и сунула нос в холодильник. Пожалуй, она голодна! И это тоже что-то новое. Обычно Софья Юрьевна была так занята, что о необходимости питаться попросту забывала. А тут совсем неожиданно вот прямо-таки зверский

голод!

Ассортимент холодильника совсем не радовал. Жаль, что в данном случае не работал закон спроса и предложения. Спрос-то был о-го-го какой... А из предложения – засохший кусочек сыра и... все!

– Хорошо живешь, Ковалевская! – весело хмыкнула Соня. А потом, будто опомнившись, подскочила на месте и щелкнула пальцами: – Можно ведь заказать доставку!

Так и сделала! Позвонила в первый найденный всезнающим Гуглом ресторан и заказала всего, на что лег её глаз. Почему бы и нет?! Имеет право! Отметить, так сказать, новую жизнь! Соня огляделась, прошлась по своей квартирке, в которой ей было так хорошо! Тихо, уютно, спокойно... Она любила свой дом и с радостью в него возвращалась. Здесь рождались идеи ее исследований, здесь она работала, порою сутками. Здесь она написала докторскую! Вот прямо за этим столом, который беззаветно любила. Ониксово-черный, с множеством всяческих ящиков и отделений. Оставшийся еще от деда. Редким гостям казалось, что на ее столе творится жуткий бардак, а на самом деле в этом хаосе Соня всегда знала, где что лежит, и могла запросто отыскать любую бумажку. А лампа? Это же какое-то чудо! Кованое основание, расшитый вручную абажур... Как жаль, что она не сможет забрать с собой полюбившиеся вещи! Или... все-таки сможет? Интересно, сколько будет стоить их пересылка в США? Вдруг, не слишком дорого? Надо узнать!

С тех пор, как ее пригласили на работу в Массачусетс, жизнь Сони перевернулась. Нет, ее и до этого приглашали с лекциями в университеты Сиднея и Токио, Лондона и Берлина, она и раньше трудилась в числе ученых, входящих в состав Международного научного сообщества LIGO... Но никогда до, Соне не предлагали таких условий! А вот теперь она получила приглашение возглавить одну из исследовательских групп! Ей даже выделили финансирование и предложили возможность лично выбирать ученых в свою команду! Разве можно было отказаться от таких перспектив?! Никак нет. Она и согласилась.

Телефон на столе затрещал. Соня дернулась, кофе выплеснулся из чашки на руку. Хорошо, успел остыть! Джек! – Алло...

– Привет! Ты чего не звонишь? – пропыхтел в трубку её... жених? Со статусом Джека в своей жизни Соня до конца еще не определилась. Не то, чтобы тот не звал ее замуж. Просто, если быть откровенной, Джека она не любила. Решение быть с ним было скорее рассудочным. Хороший, как ей казалось, парень – почему нет? Умный, добрый, улыбчивый. А еще с ним можно было поговорить о работе, что для Сони было необычайно важно.

– А ты чего пыхтишь? – рассмеялась Соня.

– Я на беговой дорожке. Решил позаниматься перед сном.

– Какой ты молодец! – искренне восхитилась Соня.

– Запомни это! – усмехнулся в ответ Джек. – Слушай, мо-

жет, все же прилетишь на праздники? Поедем к родителям — они давно хотят с тобой познакомиться, погоняем на лыжах в Блю Хиллс!

Соня подошла к окну и прижалась лбом к прохладному стеклу. Настроение почему-то испортилось. И правда? Что ей мешало уехать на две недели раньше? Что держало здесь и не отпускало?

— Нет, Джек, ты же знаешь! Билетов уже не купить... — лепетала Соня и сама себе не верила. При большом желании билеты, наверное, можно было найти. В тот же бизнес-класс за баснословные деньги, правда, но все же. Другое дело, что она еще не сделала все, что планировала. Не попрощалась... Не нашла в себе силы перевернуть страницу сказки, давно уже не про неё. Фактически, она и вырвала у жизни эти две недели, чтобы расставить точки. Навсегда избавиться от навяздения. Оставить его в этом городе, где все о нем напоминало, и шагнуть в новую жизнь. Без сожалений.

— Я бы что-то придумал...

— Да брось! Всего-то две недели осталось! А у меня здесь конь не валялся...

— Конь, что? — удивились на том конце света.

— Не бери в голову. Это такое выражение... Лучше расскажи, как прошел твой день.

Пока они болтали с Джеком, привезли еду. Соня торопливо попрощалась с женихом, бестолково путаясь в рукавах, нашла-таки кошелек, расплатилась с посыльным, захлопну-

ла за ним дверь и, сунув нос в пакет с одуряюще пахнущей снедью, пошлепала в кухню. Плотно позавтракав и выпив еще одну чашку кофе, Соня неторопливо собралась, заехала в цветочный. Купила четыре бордовые розы на длинных стеблях, такие же безжизненные в отсутствие всякого аромата, как и те, кому они предназначались, и поехала прочь из города. Бросила машину у кладбищенских ворот. С трудом пробралась по не очищенному проходу между могил к своим. Два креста, никаких памятников... Мама рано ушла, а еще через три года Соня похоронила тяжело болеющего брата.

Рукой в перчатке стряхнула снег с мемориальной таблички. Положила цветы:

– Ну, что... Теперь, наверное, нескоро свидимся. Вы не в обиде? – спросила, как у живых. – Джек нашел православную церковь неподалеку от моего нового дома... Я о вас там буду молиться, хорошо?

Уж что ей ответили мама с братом – непонятно, но с кладбища Соня уезжала с легким сердцем. Проехав с километр по проселочной дороге, она, наконец, выехала на трассу и покатила вперед. В этом месте была не слишком удобная развязка, и для того, чтобы вернуться в город, ей предстояло проехать около километра в обратном от него направлении. Спешить Соне было некуда, она и не торопилась. Ехала медленно, в свое удовольствие, время от времени бросая взгляды по сторонам. А посмотреть было на что. Зимний заин-

девелый на холоде лес, вековые сосны в роскошных белых шапках, редкие озябшие на холоде птицы... Соня вспомнила, что у нее еще со вчера осталась недоеденная булка. Она притормозила на обочине, вышла из машины и, раскрошив хлеб, высыпала тот на снег. Глядишь, спасет какую-нибудь синичку.

Соня уже вернулась в машину, когда мимо пронесся кортеж из четырех машин. Ничего удивительного – в нескольких километрах отсюда раскинулись обширные территории, застроенные дачами местной элиты, фешенебельными коттеджными поселками и резиденциями высших должностных лиц. Может быть, какой-нибудь министр изволил вернуться домой на обед.

В Америке такого точно не увидишь. Что же... и вы, кортежи, тоже прощайте! Улыбнувшись, Соня тронулась с места и неторопливо поехала дальше.

А потом случилось это! Первым делом она с удивлением заметила, что кортеж, движущийся далеко впереди, свернул на обочину, а уже потом она заметила несущийся на всех парах грузовик.

– Ну, и куда он на такой скорости? – сама у себя спросила Соня, снимая ногу с педали газа и, следуя примеру кортежа, прижалась к обочине. Отвлеклась на секунду, а когда снова подняла взгляд, фура уже выехала на встречу.

– Не-е-ет! – прокричала Соня. Скользнула руками по телу, проверяя, не забыла ли пристегнуться. Она уже понима-

ла, что удара не избежать. Движущиеся по крайней правой полосе машины разлетались, как кегли! Основным удар на себя принял микроавтобус. И все эти события раскадровкой замедленной съемки проносились перед её глазами. Удар, скрежет, разворот на полном ходу! И... столкновение. Металл о металл. Боль взорвалась в теле! В руке, в ноге, ударила в грудь... А движение все продолжалось. Со страшным скрежетом и вырывающимися искрами их тащило по обледеневшей дороге. Это длилось какие-то секунды, но для Сони они превратились в вечность. Ее захлестывали ужас и паника! И какая-то черная липкая злость! Вот тебе и новая жизнь! Почему так?! Почему сейчас, господи? А потом боль, которая с каждой секундой только усиливалась, вытеснила все вопросы. Боль была такой сильной, что Соня не могла дышать! Как будто её плитой придавило. Приказав себе успокоиться, она осторожно втянула воздух. Закашлялась. Воздух ворвался в легкие с громким свистом, с каким-то ненормальным шипением... По лицу стекало что-то теплое и густое, находясь в шоке, Соня не сразу поняла, что это кровь.

Дыши! Дыши! – билось в мозгу. – Ты выжила – это главное. Цепляясь за эту мысль, Соня спасалась от черного морока паники, сковавшего ее искореженное тело. Так, что дальше? Попробовать пошевелиться... Соня подняла руку, стряхнув с себя осколки битого стекла. Дальше – хуже! Сцепив зубы, она сдвинула ногу и чуть не разрыдалась. Если правой она еще могла пошевелить, то левую напрочь зажа-

ло. Ей нужна была помощь! Всклипывая, она попыталась открыть дверь. Но ничего! Ровным счетом ничего не получилось! Она оказалась в ловушке! Господи! Ну, почему никто не идет?! Ведь должен кто-то прийти! Спасатели, МЧС, кто угодно... Боль в груди становилась нестерпимой, кровь стала подмерзать на лице, и с каждой секундой Соне становилось все холодней! Наконец, чуть в стороне слышались голоса.

– Сюда! Пожалуйста, помогите! – едва шевеля губами, прохрипела Соня.

– Михалыч, сюда... Здесь девочку зажало...

Дверь со стороны водителя не поддавалась. Но ее спасатели быстро сориентировались и пробрались к ней через пассажирскую.

– Тише-тише, девочка, все хорошо... Где болит?

– Везде, – с детской обидой в голосе пожаловалась Соня. – И ногу сжало, не могу выбраться... Ремень тоже заклинило.

– Сейчас мы его срежем... Ну-ка...

Мужчины работали слаженно и быстро.

– Я сейчас кресло отодвину, а ты постарайся ногу вытащить.

– Хорошо! – мужественно кивнула Соня. Но сказать гораздо проще, чем сделать. У нее ни черта не получалась. Нога не слушалась хозяйку. Совсем!

– Не выходит?

– Нет. Стало свободнее... Но мышцы не слушаются. И больно... – всхлипнула Соня.

– Паш, ну-ка, вместе давай!

Каким-то чудом ее все же удалось вытащить из машины. Один из мужчин на руках отнес ее на полянку, туда, где чуть в стороне лежали другие люди. Жуткое зрелище... Соня стиснула зубы. Только истерики ей не хватало!

– Вот тут, под деревцем, посиди.

Мужчина постарше усадил Соню на кусок поролона с торчащими во все стороны пружинами, который, очевидно, совсем недавно был креслом.

– Удобно? Вот и славно! Вот и хорошо. Скорая вот-вот подъедет, – пробормотал он и снова пошел в гущу событий.

Соня не могла сказать, сколько прошло времени до приезда первой бригады медиков. Ей казалось, что целая вечность. Она дико замерзла, несмотря даже на то, что кто-то накрыл ее непонятно откуда взявшимся одеялом, к тому же ей становилось все труднее дышать. От боли почти теряя сознание, Соня как будто со стороны наблюдала за слаженной работой врачей. Машины прибывали одна за другой, в них укладывали тяжелых и увозили. Наконец, очередь дошла и до нее.

– Девушка... Вы можете встать?

– Не думаю... Похоже, у меня сломана нога. И рука... – едва шевеля застывшими на морозе губами, шепнула она.

– Не переживайте, все уже позади. Михалыч, сюда тоже носилки! – крикнул куда-то в сторону обратившийся к ней мужичок и принялся осторожно ее ощупывать. – Это ничего!

Это заживет... Ну же... Красавица, давай, остороженько!

Мужчина протянул руку, Соня ухватила за нее и, опираясь на здоровую ногу, осторожно встала. Тело жгло огнем, в глазах темнело. Здоровой рукой она растерла лицо и, наконец, разлепила глаза. Почему-то среди множества суесящихся на месте случившегося фигур ее внимание привлекла одна. Удаляющаяся вверх по дороге. Сердце сжалось и мучительно больно ударилось о ребра. Надо же... Чего только не привидится.

Глава 3

Воистину, доброе утро начинается с вечера. А учитывая то, как у Амира закончился день вчерашний – утро добрым не могло быть по определению.

– Готовы списки? – спросил у Глеба, тенью шагающего за его спиной.

– Готовы, – отчего-то тяжело вздохнул тот.

– Дашь, я просмотрю в машине... Елена Васильевна, где мой кофе?

– Так вот же, Амир Шамильевич... Горяченький!

Амир кивнул, забрал из рук перепуганной домработницы свою чашку и на ходу отпил обжигающе-бодрящий напиток.

– Ну, а ты чего брови хмуришь? – спросил, не глядя. Просто интуитивно улавливая недовольство Громова, которое тот ни за что ему в открытую не показал бы. Так уж повелось изначально. Что-что, а субординацию Глеб соблюдал неукоснительно и беспрекословно. Спросят – скажет. Нет – оставит свои мысли при себе.

– Да так. Интересные вырисовываются фигуры в списочке.

Амир стиснул зубы. Качнул головой. Значит, не ошибся. Значит, Соня ему не привиделась... А он ведь почти себя убедил, что показалось. В два глотка допив кофе, Амир передал чашку подоспевшему дворецкому и снова обернулся

к Глебу:

– А с водилой что?

– А ничего. Жив-здоров. Чего не скажешь о других. Уснул за рулем. Груз скоропортящийся, на таможне застрял, что-то с документами не так было, вот и пер без остановок, без сна и отдыха.

– Посадят?

– А как же... Причинение смерти по неосторожности двум и более лицам, – отрапортовал Громов, открывая перед начальником дверь подъехавшего прямо к дому авто.

Амир поймал его взгляд, кивнул и плавно скользнул в салон машины. Через несколько секунд Глеб устроился рядом.

– Вот. То, что просил.

Немного помедлив, Амир забрал свернутые в трубочку бумажки из рук охранника, но вместо того, чтобы их посмотреть, отложил в сторону и спросил, не глядя на Глеба:

– Сильно ее приложило?

– Не без этого. Ушиб грудной клетки, сломаны рука и нога. Нога со смещением, но уже все в порядке. Я говорил с врачами.

– Все необходимое...

– ... у нее есть.

– Хорошо.

– Еще что-нибудь?

– Нет. Достаточно, – покачал головой Амир, не отрывая взгляда от проносящегося за окном пейзажа.

Нет, он, конечно же, знал, что Глеб может рассказать ему много чего интересного. Работа у него была такая – все знать. Другое дело, что сам Амир вряд ли был готов к этому «знанию». А почему так? С чего? Да ты же трусишь, Каримов, признайся... Амир растерянно провел по волосам, где-то даже злясь на себя... на неё! Очнись, Каримов! Какая Соня?! Чего тебе, тертому калачу, не хватает?! Чувств? Каких чувств, твою мать, приди в себя?! Что за детский лепет, Амирчик?! Ну, ведь не мальчик, поди, и даже не выюноша! Ты столько всего на своем веку повидал – девок, предательства, грязи! Тебе сейчас зачем это все? Экстрима захотелось? Хочешь вены вспороть, чтобы хоть что-то почувствовать, кроме всеобъемлющего циничного равнодушия? Ничто тебя не трогает... Ничто! Заскучал?!

Нет! Нет, черт возьми! Не в этом дело... Просто никогда в жизни он не чувствовал себя так, как рядом с Соней, никогда не жил больше так. Вкусно, на разрыв, в удовольствие! А после нее... После нее все стало... никак. Пропали интерес и азарт. Он что-то делал, куда-то двигался, рвался, карабкался вверх, покоряя все новые и новые высоты, делал деньги, наращивал могущество и броню на сердце, но никакие победы и никакие деньги не дарили ему того ощущения счастья, что он испытывал рядом с ней.

Понимание этого тоже пришло не сразу. Амиру понадобилось несколько лет, чтобы осознать, что он напрочь утратил вкус жизни, что она стала пресной и совершенно безрати-

достной. Он тогда притормозил, на бегу остановился, как в бетонную стену врезался. Тряхнул головой, осмотрелся по сторонам, в попытке понять, а какого, собственно, черта?! И не нашел ответа. Тогда он забросил все дела и несколько дней тупо колесил по городу, глубоко погружившись в себя, отстранившись от всего постороннего и неважного, просеивая сквозь сито памяти события последних лет.

Выводы, к которым пришел Амир после своих раздумий, были абсолютно неутешительными. Какими-то дикими даже. Он, хоть тресни, не мог понять, как такое вообще случилось. Как он, матерый волчара, по уши увяз в какой-то девчонке. Увяз так, что их расставание, о котором он и думать себе запретил, даже годы спустя аукалось гулкой звенящей пустотой внутри?! Тупой ноющей болью.

И ведь не вспоминал! Дал установку и не вспоминал! Первые года три-четыре. И не думал даже, что оно внутри есть! А ведь оно было. Сидело в груди кинжалом. И пока тот кинжал не трогали, даже не кровоточило...

– Вы, Амир Шамильевич, обработаться не забудьте, – напомнил Глеб.

Амир встряхнулся, выплыл из водоворота своих нерадостных мыслей. Моргнул. Черт, они и правда приехали, а он и не заметил.

– Не забуду, – кивнул Амир, выходя из машины.

Когда он попал в палату к дочке, та спала, подложив руку под щеку. Её непропорционально большую в сравнении с

исхудавшим телом практически лысую голову украшала веселенькая косынка. Амир помедлил, давая себе время отдышаться, затолкать внутрь отчаяние и тихую ярость. Все уже позади. Его малышка поправится. Они справились. Они все преодолели. Худшее в прошлом. Он чувствовал, он знал!

– Папа?

– Привет. Я тут проезжал мимо, думаю, дай-ка, зайду!

– Привет, – улыбнулась девочка. – Я соскучилась...

Амир сглотнул, кивнул головой и подошел чуть ближе. С тех пор, как Карине поставили диагноз, в их жизни, в их отношениях многое изменилось. Как будто его девочка снова вернулась...

– Я тоже, малышка... Я тоже. Как ты себя чувствуешь?

– Нормально. Врачи говорят, что я молодец.

– Да, я слышал. Ты и правда молодец, милая.

– Раньше ты так не считал.

Амир поднял глаза. Поймал черный взгляд дочери.

– Сейчас все изменилось. И я надеюсь, что к прошлому возврата не будет.

Карина закусил губу и опустила ресницы, закрываясь, прячась от него:

– Не будет, – тихонько согласилась она.

Кивнув, Амир уселся на рядом стоящий стул. Он смотрел на дочь и вспоминал, какой она была еще совсем недавно. Сейчас Карина мало походила на саму себя образца полугодной давности. Тогда она выглядела как дешевая про-

бл*дь. И вела себя соответствующе. Он так и не понял, в какой момент ее упустил. Когда она стала гулять направо и налево, забив на учебу, когда обзавелась такими же друзьями-бездельниками?! В неполные пятнадцать лет его дочь выглядела как прожжённая жизнью баба. Она одевалась, как проститутка, пила и курила, сутками пропадала в каких-то навороченных клубах, из которых они её с завидной регулярностью вытаскивали. Амир злился, орал, стучал руками по столу и оставлял без денег, но в глубине души... знал, что сам виноват. Сам... и никто больше.

– Врачи сказали, что если все так пойдет и дальше, тебя смогут выписать к Новому году.

– Да, я слышала.

– Вот и отлично. Я возьму отпуск, и мы хорошенько повеселимся.

– Серьезно? – недоверчиво протянула девушка.

– Без шуток.

– Ни хрена себе... – ошалело хлопнула глазами Карина.

– Карина... – поморщился Амир.

– То есть... Я хотела сказать – круто! Ага... Круто.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.